

Михаил Прохоров: Я хочу жить в кайф

7-й по богатству в России, 58-й в мире. Был президентом группы ОНЭКСИМ, но в октябре, как говорит, отошел от бизнеса. Теперь он исключительно политик — возглавляет созданную им партию «Гражданская платформа». До этого три года был членом КПСС и четыре месяца членом партии «Правое дело». Кандидат в президенты РФ-2012, занял 3-е место.

Среди прочего разного — президент Союза биатлонистов России. Еще из всем известного: не пользуется мобильным телефоном, залоговые аукционы, Куршевель, «Норильский никель», не женат, разгружал вагоны, часами занимается спортом, ё-мобиль, варил джинсы с другом Хлопониным...

Фото Анны Артемьевой

— В октябре, выступая на съезде «Гражданской платформы», вы больше 15 минут говорили без бумажки, без плана, передвигаясь по сцене. Вы заучивали свой текст?

— Нет, у меня внутри есть логический стержень, план — от первого пункта до десятого, что я должен раскрыть. А дальше: накануне час готовишься к такой речи. Я должен с этим как бы переспать.

— Я читала, что когда вы учились публично выступать, то для того, чтобы смотреть людям в глаза, якобы дома даже носили какую-то маску.

— Я давал интервью в Америке. И мне сказали, что то, что ты говоришь в России, не работает с точки зрения мимики в Америке. И поэтому надо научиться по-американски работать глазами. Один раз во время подготовки завязали маску, чтобы я все то же самое сказал глазами. Потом мне показали запись — глаза мертвые. И говорят: «А теперь попробуй сказать не лицом, а глазами». Один раз такой эксперимент провели.

— Получился?

— Да, получился по факту, потому что меня в Америке воспринимают, я провожу пресс-конференция, я говорю по-английски, у меня нормальный контакт с журналистами. В Америке другие принципы общения с людьми — должно быть более живое лицо, позволено больше жестов. 15 лет назад мне рассказывал профессиональный еще советский специалист по публичной работе, что всегда должна быть голова ровно, минимальное количество эмоций, руки должны быть спокойные. А в Америке, наоборот, экспрессия, эмоции...

Рейдеры со Старой площади

— **Ваша цитата: «Хочу ограничить власть царя, не хочу жить в стране, в которой есть царь». Как реально вы будете ограничивать власть Путина?**

— Есть яркая работа, которую видно, а есть неяркая. Когда происходят публичные выступления, демонстрации, протест — это все на виду; а есть неинтересная рутинная, нудная работа, которую многие яркие люди не любят делать. Для того чтобы заявить о себе как о политической силе, нужно заниматься работой просто на земле — выигрывать муниципальные выборы, бороться за законодательные собрания, то есть начинать снизу прорастать. Ровно этим сейчас партия «Гражданская платформа» занимается. Я считаю, что «Гражданская платформа» в 2012 году была законодателем мод по политическому изменению страны. Лозунги, которые мы в последнее время обсуждаем — и изменение политической системы, приход одномандатников, ограничение власти президента, смещение части президентских функций в парламент, — все это было в программе «Правого дела». Более того, я считаю, что два важнейших триггера, которые разбудили общественное мнение, — это разгром Кремлем «Правого дела» и второй — рокировка, которая была 24 сентября.

— **Вы считаете, что это равнозначные истории? Все-таки рокировка по уровню раздражения в обществе была сильнее.**

— По значимости, конечно, рокировка. Но и дополнительным раздражением было то, что достаточно большой процент активно думающих людей в нынешней Думе никак не представлен.

— **Вы обвинили в попытке рейдерского захвата партии «Правое дело» Радия Хабирова, нынешнего заместителя руководителя Управления по внутренней политике администрации президента.**

— Он был техническим исполнителем, и не он принимал решение.

— **Хабиров на вас не подавал в суд?**

— Нет, не подавал.

— **А Суркова вы назвали «главным кукловодом политического процесса». Суркова теперь нет в администрации президента, сейчас он в аппарате правительства, это ваших рук дело?**

— Я не думаю, что это только моих рук дело. Но я, видимо, как-то поучаствовал. Думаю, моя роль была лишь одним из звеньев.

— **Но вы сказали, что вы максимально приложите усилия для того, чтобы...**

— Приложил, но моих усилий одних мало.

— **А какие?**

— Это моя внутренняя история, и лучше о ней никому не знать, потому что есть вещи, которые не принято выносить на общее обсуждение.

— **Вы злопамятный человек?**

— Нет.

— **Но Суркову историю с «Правым делом» не простили?**

— Что значит — простил или не простил? Я считаю, что Владислав Сурков очень талантливый человек. Просто существуют процессы, которые начинают вредить нашей стране. Вертикаль управляемой демократии стала препятствием на пути развития гражданского общества и вообще нашей страны. Модель надо менять, а какая конкретная фигура оказалась в некотором смысле символом этой модели, сейчас не очень принципиально.

— **«Гражданская платформа» объявила 2013 год Годом защиты Конституции. Вы сказали, что начинаете борьбу за то, чтобы все пункты Основного закона реально исполнялись в России. Есть, например, статья 31, нам всем знакомая: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование». Как это вы будете отстаивать?**

— Надо выходить на выборы и выигрывать. Когда в больших городах наши сторонники придут к власти, эта проблема решится сама собой. Я поддерживаю гражданский протест и буду бороться и голосом, и возможностями, которые у нас есть. Другой технологии для обеспечения прав граждан, кроме как привести новое политическое поколение, нет. Кто хочет заниматься политикой, должен сразу понимать, что никто власть просто так не отдает. Даже в Америке действующий президент имеет пару процентов преимущества в силу того, что он уже президент. И партия, находящаяся у власти, всегда будет использовать свои возможности, особенно в нашей стране.

— Значит, если к власти придет «Гражданская платформа» и вы будете президентом, то вы тоже просто так власть не отдадите?

— Кто-то сказал, не помню: стройте такую систему законов, чтобы вам жилось комфортно тогда, когда вы находитесь в Кремле и за его пределами. Это очень мудрая вещь.

Путин и марсиане

— У нас принято постоянно атаковать Владимира Путина, но Путин, объективно говоря, из всех политиков пользуется большей поддержкой, чем все остальные. Это факт.

— Вы любите повторять, что во всем хотите быть первым, всегда стараться все делать на победу. Когда вы шли на выборы президента, вы же понимали, что не сможете победить Путина, что вы будете все равно не первым?

— Но всю свою идеологию и всю свою команду я настраивал на победу. Если ты вышел отбивать номер, то ты его и отбудешь.

— Но внутри-то вы знали, что не победите.

— Внутри я себе сказал таким образом: в жизни бывают чудеса, но чтобы чудеса были, например, в космос полететь, кто-то должен над этим работать, поэтому поверь в то, что ты можешь выиграть. И я вел кампанию так, что я был уверен в том, что существует одна миллионная часть, что я могу победить.

— Но одна миллионная при каких условиях могла случиться?

— Марсиане прилетели.

— В которых мы не верим.

— Да, в которых мы не верим.

— Когда последний раз вы видели Путина?

— Сейчас скажу. (Пауза. Вспоминает долго. — Е. М.) Я член Русского географического общества, и летом мы летали на встречу на Валаам.

— А в администрацию президента, поговорить, обсудить планы заходите?

— В администрации президента, как и в правительстве, существует большое количество людей, которые сильно близки мне по взглядам, просто они не могут об этом говорить публично.

Заместителем я не умею работать

— На съезде «Гражданской платформы» вы сказали: «Я отказался играть по кремлевским правилам». Что это за кремлевские правила?

— Те, которые были: ходить, согласовывать.

— **А что нужно согласовывать? Что требовали?**

— Например, нам не нравится, что у тебя Ройзман, убери его. Я сказал: «Это я решаю, партия решает, не вы». — «Его не должно быть в списках». — «Почему?»

— **Это управление по внутренней политике?**

— Конечно.

— **А сейчас управление по внутренней политике оказывает влияние?**

— В данный момент я его не чувствую. Никакого влияния. Мы делаем то, что мы считаем нужным.

— **После президентских выборов вы ожидали, что вам какую-то должность предложат?**

— Мне аккуратно намекали, через знакомого, не хочу ли я в правительстве поработать, я сказал, что нет.

— **То есть министром вы не хотели быть?**

— Я вообще заместителем не умею работать.

— **А премьер-министром при президенте Путине?**

— Вопрос заключается в том, какая программа, что делаем. Если я считаю, что это повышает эффективность, то тогда можно делать, даже если это компромисс, в конечном счете. Какое правительство было бы сейчас идеальным? Про которое мы не слышали бы и не знали, которое тихо занималось бы технологиями. Потому что основа благосостояния — это повышение производительности труда, снижение издержек в экономике. Мы все умничаем, говорим про «дорожные карты», и ровно сегодня мы эти «дорожные карты» не делаем. Любую сферу возьмите, — например, тот же «Газпром». Я ума не приложу, я не могу понять, почему нельзя допустить всех независимых производителей к трубе?

— **Ну тогда не будет таких дивидендов у «Газпрома».**

— Подождите, не так абсолютно. Ну хотите сохранить монополию на экспорт, ну бог с ним. Но дайте возможность завалить газом нашу страну. Это вредит прежде всего самому «Газпрому». Трубу надо выделить в отдельное акционерное общество, чтобы она не управлялась «Газпромом». Прозрачные тарифы для любых участников. У нас внутренняя цена на газ не самая дешевая в мире. Сейчас в Америке \$70, а у нас \$150.

«Газпром», как и любая монополия, получает сверхдоходы, в том числе сейчас с внутреннего рынка. А раз основной газ продается в Европу, по их логике, нужно постепенно выравнивать стоимость газа...

— **Внутреннюю до внешней.**

— Да. Это абсолютно, ну грубо скажу, идиотская логика, потому что мы огромная страна, мы не Голландия, у нас гигантские просторы, у нас другой климат. Для того чтобы развивать наш добавленный продукт, чтобы наши граждане имели хорошие те самые 25 млн рабочих мест, у нас должна быть дешевая инфраструктура. Я бы ориентировал цену газа на самый дешевый рынок в мире — американский.

— **А на сколько у них дешевле, чем у нас?**

— \$70 долларов у них сейчас уже стоит. В 10 раз цена на газ упала за последние 10 лет.

— **Они же сланец сейчас добывают?**

— Совершенно верно. И не страшно, что мы эту революцию пропустили. Все равно себестоимость добычи газа из сланца выше, чем добыча природного газа. Есть цепочка: если мы пускаем всех производителей, газ у нас становится дешевым, после этого у нас падают тарифы на ЖКХ, нам гораздо проще сделать тепловую реформу, к которой мы не приступали.

— **Но ни «Газпрому», ни чиновникам не нужна реформа ЖКХ.**

— Стране нужна. Следующий этап — снижение тарифов, потому что газ становится дешевым. В энергетике прибыль возрастает. Дальше мы можем двигаться по пути топливной реформы, потому что у нас основные потери в тепле — трубы просто сгнили.

— Если бы у вас была возможность, сколько времени вам нужно на реализацию вашего плана?

— За 5—6 лет можно было бы сделать ощутимые вещи. Например, в области спорта тоже отсутствуют технологии. Пример приведу из биатлона. Какая у нас проблема основная? Основная проблема смазки — это система водоотталкивания, по-простому — чтобы снег не прилипал на лыжи. У нас есть прекрасные ученые по изучению снега, но только по лавинообразованию. Потому что нет заказов, мы 20 лет не выпускаем никакие лыжи... В этой цепочке чем должно заниматься технологическое правительство? Спокойной, не великой работой. И желательно, чтобы о ней никто ничего не слышал, а жизнь бы вокруг улучшалась. То есть не пиар, а реальные изменения.

— Чтобы никто не слышал, так нельзя. В программе «Время» обязательно должны показать — и это все о них и немного о погоде.

— Игра в тандем — это нормально, хотя его уже де-факто нет, и все это понимают. Правительству нужно заниматься простой функциональной работой, причем там же реально много хороших и ярких людей есть...

Дело наше правое

— Когда вы стали руководителем «Правого дела», в вас реально очень многие поверили, на вас надеялись. Потом эту партию у вас забрали и вы исчезли на три месяца, а люди хотели вас услышать, понять ваши дальнейшие шаги. Потом вы стали кандидатом в президенты...

— Я готовился. А чего сотрясать воздух, если ты не можешь сделать?

— Потом вы проиграли выборы и исчезли опять. Было такое ощущение, что вы бросили ваш электорат. И сейчас, я думаю, вы растеряли очень много голосов поддержки.

— Я благодарен людям за поддержку, а также за то, что они подают сигналы возможного разочарования. И я их прекрасно понимаю. Но людям очень сложно перестроиться. Выборы — это форс-мажор. А работа между выборами, президентскими и думскими, это текучка. Я сказал, что я буду строить партию. Но все хотели, чтобы партия появилась в марте, сразу, немедленно после выборов. Но так просто не бывает. Это сложнейшая вещь. Более того, надо переосмыслить было. Я получил определенный опыт в избирательной кампании, я же не машина, я живой человек, мне нужно сквозь себя это все пропустить. Потом мы стали оценивать, какая будет политическая ситуация, и многие наши предсказания сбылись. Мы говорили о том, что вертикаль будет вести себя очень жестко и добивать до конца. Дальше нужно было подумать о том, какую строить партию, потому что люди не хотят лидеров, а хотят, чтобы были неравнодушные активисты вместе с политпрофессионалами.

— Но в любом случае вы — лидер партии, рядом с вами в «Гражданской платформе» нет никого равнозначного. Все равно это ваша партия.

— Пока я просто получил критическое преимущество из-за участия в президентских выборах. Для того чтобы появились яркие ребята на федеральном уровне, необходимо время, чтобы их подготовить. Если меня сейчас перенести в март 2011 года (приход Прохорова в политику. — Е. М.) и какой я сейчас — это два разных человека.

— А чем вы отличаетесь от марта 2011 года?

— Там я был наивный, если хотите.

— В чем, например?

— Я привык побеждать в бизнесе, все время брать ответственность на себя, для меня принимать решения и брать ответственность — как воздухом подышать, это моя работа. Я считал, что если я беру «кукольный театр», то из этого «кукольного театра» («Правого дела») можно построить нормальный театр, главное, чтобы кукловод не мешал. Я считал, что кукловоды мешать мне не будут. Я сказал: хочу эту партию, готов ее возглавить. Я сам инициативу проявил. Мучается «Правое дело». Я позвонил, сказал: «Я готов возглавить».

— Позвонили в «Правое дело» или в администрацию?

— В «Правое дело», я Надеждину позвонил и говорю: «Слушай, я принял решение...» Я из всех тех, кто там был, знал Борю Надеждина. В партии, как оказалось потом, было три части. В каждом регионе сидел кто-то от кого-то из этих трех центров. За такой короткий срок все зачистить было нельзя, просто чисто физически невозможно, очень мало было времени, я увольнял ячейками. Я работал по 20 часов в день и на некоторые вещи просто не обращал внимания. Если это все не годилось, то не было другого механизма, как проявлять абсолютный императив.

— **Вы поступили примерно так же, когда пришли на «Норникель». Тогда вы жестко увольняли людей. Поставлена цель, и к ней надо идти. Здесь вы так же хотели?**

— Да, абсолютно, точно так же, что оказалось неправильным. Потому что партия — это другая вещь. Неправильный мой посыл в том, что можно забрать чужой «кукольный театр» и его быстро перестроить. Нельзя этого было сделать.

Врач для олигарха

— **По социологическим опросам, вас поддерживает 8% населения страны, и это не только протестный электорат. Это много.**

— Для старта, конечно, это очень много. Я не верю в лидерские партии. Партия должна нести определенные ценности, и главное: она должна опираться на мощный интеллект равнодушных людей, ярких людей, которые хотят что-то поменять, пусть по своим профессиям. Ведь страдает же каждый человек. Медицину, например, берем. У нас есть обязательное медицинское страхование и добровольное медицинское страхование. Между ними стоит стена. Ну глупость же. А почему стоит стена? Да потому что у обязательного медицинского страхования не хватает денег на медицину, поэтому человека, как крепостного, приписали к поликлинике. А добровольное медицинское страхование — это деньги, лечись, где хочешь. То есть вместо того, чтобы эту стену разрушить и сказать честно: «Ребята, у нас денег на медицину больше нет, потому что страна больше не зарабатывает...»

— **Это антисоциальная будет мера, и народ ее плохо воспримет. А мы говорим, что мы социальное государство, у нас в Конституции записано.**

— Социальное государство — это нормально. Но социальное государство должно говорить правду. И я своей задачей считаю объяснить людям правду, что, если вы приходите в больницу и у вас сейчас 30 рублей стоит визит к терапевту, вы никакой помощи не получите за 30 рублей, потому что она должна стоить 500. Очень просто объяснять. Если мы социальное государство, кому мы должны обеспечить услуги — старикам, инвалидам и детям. А работающим людям сказать: на вас осталась вот такая сумма, мы эти деньги вам даем, а остальные, извините. За остальное лечение должны будете доплачивать сами.

— **Извините, задам личный вопрос. Где вы лечитесь, здесь или за границей?**

— Я, к счастью, не лечусь, я не болею. Прохожу диспансеризацию.

— **Здесь или за границей?**

— За границей, в клинике, которая у меня есть в Израиле, и сейчас мы строим филиал здесь. Мы сделали там клинику, я посмотрел, как работает самая современная медицина (а израильская медицина — одна из лучших в мире), и сейчас мы эту модель переносим сюда.

— **Это сумасшедших денег будет стоить, и опять для очень ограниченного количества людей.**

— Не будет стоить сумасшедших денег, это будет стоить ровно столько, сколько есть в конкурентной среде.

— **Кремлевской больнице вы не доверяете?**

— Доверяю, не доверяю. Я там не лечусь, один раз, когда я прыгал сальто и ударился о край, не важно чего (я занимаюсь экстремальным видом спорта), и я рассек лицо, вот шрам... (Шрам есть. — Е. М.) Я приехал туда, был 1995 год, и нет заморозки, меня шили вживую. Четыре шва делали вживую. Вот такая была смешная история.

— **Кремлевка?**

— Кремлевка, совершенно верно. И второй раз, когда у меня было подозрение на перелом пальца после

баскетбола, я очень хорошо помню, когда я пришел, это было лет пять назад, и мне показывают рентгеновский кабинет, он такой допотопный. И мне с гордостью сказали, что на этом аппарате рентген делал Леонид Ильич Брежнев. И что смешно — с первого раза рентген не получился. Я спросил: «Слушайте, это же облучение немислимое по сравнению с тем, что сейчас есть?» «Ну да, — сказали мне, — но здесь же Брежнев был...» Кремлевка.

— Если бы нынешние руководители страны лечились или проходили обследование на таких аппаратах, то они поменяли бы их.

— Патриотизм, на мой взгляд, это когда хочешь поменять жизнь в своей стране. И когда мы где-то отстали, стесняться не нужно. И сейчас борьба идет за знания, за технологии. Я когда хотел сделать клинику в России, понял, что технологии просто нет, невозможно сделать. Проще это сделать в Израиле для начала, а потом перенести готовую технологию. Есть база современных врачей, хотя многие врачи уехали от нас 20— 25 лет назад. Мы этих врачей вернем и сделаем конкурс из студентов медицинских вузов, посмотрим, кто есть талантливый, и возьмем их, и через какое-то количество лет у нас вырастет очередная школа.

Такой же подход у меня к баскетболу. Ну отстали мы от Америки в баскетболе. Сейчас куплена команда американская, и имеется доступ к технологиям НБА. Уже в начале февраля приезжают тренеры, специалисты и поедут тренировать, делать семинары для тренеров детей от 14 лет и меньше.

Колбаска and сырок

— Сейчас миром правят бренды. Вот возьмите: Америка — от Apple до Coca-Cola. Я, например, не могу есть в «Макдоналдсе», люблю сыр и колбаску, которую я ем с детства. Я это продолжаю есть. Вкусы советского детства, я с этим вкусом остался. Сыр с колбаской люблю, сладкий чай с лимоном, сам режу сыр с колбаской.

— А какой сыр?

— Сыр — аналог «Российского». А колбаску я люблю сервелат с мелким жирком (на лице Прохорова — счастье. — Е. М.). Он был такой дефицитный тогда. Я люблю либо сырокопченую колбасу, была такая российская, жесткая такая, с мелким жиром, и вторая колбаса, которую в заказе иногда приносили, венгерская салями. Вот венгерская салями с «Российским» сыром — это был верх вкуса моего детства.

— Это все в один бутерброд — сыр и колбаса?

— Сыр и колбаса вместе, без хлеба причем. Заворачиваешь и ешь именно рукой, это очень важно.

Попы и олигарх

— Выступая на съезде партии, вы сказали: «Сохранить нерелигиозный характер деятельности всех силовых структур, включая Вооруженные силы». И это было воспринято аплодисментами. Вы не боитесь, что вызовете негативную реакцию со стороны РПЦ? А РПЦ сейчас в фаворе.

— Я искренне считаю, что уменьшение светской площадки реально ведет к угрозе распада страны. Сращивание светской бюрократии и бюрократии церковной — это главная угроза и для светского мира, и для веры, и для церкви как таковой. Это моя совершенно жесткая идеологическая позиция. Я не являюсь антиклерикалом, ни в коем случае, я уважаю чувства верующих, это личное дело каждого человека — верить. И в любой вере должны быть право и возможности ходить в церкви, но не навязывать. Потому что это крайне опасная вещь. Не должна ни одна религиозная конфессия приходить в школы. Что мы получили сейчас? Как только открыли ящик Пандоры, посмотрите, что происходит в Чечне. Теперь же муфтий является завучем!

— Недавно помощник протоиерея Дмитрия Смирнова, который отвечает за церковь в армии, заявил, что у министра Шойгу будет свой личный духовник, который будет присутствовать на всех секретных совещаниях.

— Духовник лично у гражданина Шойгу может быть, а у министра обороны Шойгу духовник присутствовать не может. Светская площадка обеспечивает как раз взаимодействие разных религиозных взглядов. Если вы ликвидируете светскую оппозицию, на ее место приходит религиозная оппозиция, а здесь договориться уже будет крайне тяжело. И мы, к сожалению, идем по пути уменьшения светской площадки, это губительно для страны. Наша идея очень здравая — создание религиозного кодекса. Нужно спокойно в обществе обсудить накопившиеся проблемы во взаимоотношениях личности, государства, всех конфессий и общества в целом. Есть простые вещи, на которые нужно дать ответ. Конфессии могут присутствовать в школах или нет? В

Конституции написано — светское государство. Поэтому ответ — нет. Это напрямую нарушение Конституции. В армии — нет. Я уважительно отношусь ко всем конфессиям, но буду защищать Конституцию нашей страны и защищать светскую площадку.

— А в церковь не ходите?

— Нет, не хожу. И этого не скрываю. Для меня внутреннее ощущение свободы — это самое важное, что есть. И если ты не уважаешь себя, ты не сможешь уважать других людей.

Страхи олигарха

— На вопрос: «Чего вы боитесь?» — вы как-то ответили: «Больших собак». А почему? Покусала когда-то?

— Нет, в том-то и дело, не знаю, психологически напрягаюсь. Маленьких собак не боюсь, а когда идет большая собака... ну боксер большой, кавказец, я чувствую себя не расслабленным, и собаки это понимают.

— Если этот страх есть, может, завести себе такую собаку...

— Если я знал собаку щенком, я ее не боюсь. У меня полно друзей, у которых большие собаки.

— А чего вы еще боитесь в жизни?

— Не знаю. Возможно, потерять самоуважение к себе.

— В каких ситуациях это может быть? Когда вы пойдете на какую-то сделку с совестью?

— Я помню в школе эпизод, когда я струсил. Был момент, я не люблю его вспоминать, когда я проявил малодушие. Я его хорошо помню.

— А предательство?

— В некотором смысле эту вину я на себя беру, то есть допустил, я пытаюсь всегда найти, в чем я был не прав, мне так легче.

Не москвич, провинциал

— Вы до сих пор в Еруде платите свои налоги?

— Да, до сих пор.

— В Москве вы считаетесь приезжим?

— Не просто приезжим, у меня даже справка есть, могу показать (из кармана куртки достает паспорт, в нем чуть мятая та самая справка о временной регистрации в Москве. — Е. М.). С собой ношу. Я по закону живу. Я ее всегда ношу с собой, поэтому если у меня проверят документы на улице и не узнают, то задержать не смогут, потому что у меня есть такая бумажка. А вы говорите! Все должно быть правильно.

— Прямо честно ее получали?

— Ну не сам лично, конечно. Зачем уж прямо так. Это не обязательно делать. Может адвокат или нотариус получить по доверенности. Все по закону.

Ах, мой Куршевель, Куршевель

— В 2011 году вы стали кавалером ордена Почетного легиона Франции «за расширение культурных связей между Россией и Францией». Посол Франции Глиниasti сказал, что вы имеете «искреннюю тягу к искусству». Что вы сделали в области культурных взаимоотношений между Россией и Францией?

— Мой Фонд культурных инициатив возглавляет моя сестра. Основа этих программ — развитие именно культурных инициатив в наших регионах. И концепт современного культурного проникновения прямо противоположен развитию глобальной экономики. Глобальная экономика стирает границы, а для защиты своей самобытности народы стремятся к локализации. Мы это уловили еще много-много лет назад, и это

основа нашего фонда. В рамках Года Россия — Франция наш фонд сделал уникальную выставку в Лионе, где локальная российская культура захватила на несколько дней Лион.

— Это малые народы?

— Разные были. Например, там были блестящие работы детей из детского дома в Норильске. Мы и детей тоже вывезли. Это было яркое мероприятие. Регулярно французская культурная общественность приезжала на Красноярскую ярмарку книжной культуры. За организацию этого мероприятия французский президент решил это сделать (наградить). Ну я только горжусь.

— А я подумала, что когда в 2011 году вам дали эту награду, то это было своеобразным извинением за куршевельскую историю 2007-го.

— Мне извинение было публично принесено раньше, поэтому это не связано. Один высокопоставленный представитель французского правительства в присутствии большой российской делегации публично это произнес.

— То есть теперь в Куршевель вы опять ездите?

— Конечно. Куршевель — лучший горнолыжный курорт в Европе, если кто любит кататься на лыжах.

— В одном из интервью вас спросили: «Когда вы счастливы?» — вы ответили, что счастливы всегда. Когда четыре дня вы были вне свободы во Франции, вы тоже были счастливы?

— По-своему, да. Во-первых, для меня это был новый интересный опыт. И, как это ни парадоксально, может, это такая форма мазохизма, я не без удовольствия там был. Я люблю сложности, трудности. Их было интересно преодолевать, и особенно предметом моей гордости было то, что я спрашивал: «А через сколько у меня следующий допрос будет?» Мне сказали: «Вас вызовут». Я говорю: «Ну ладно, если меня вызовут во время занятий спортом, я не пойду, пока не закончу тренировку». В этой камерке три на два я два раза по полтора часа каждый день тренировался. И был момент, когда я начал тренировку, за мной пришли, я сказал: «Я же предупреждал, пока тренировку не закончу, не пойду».

— Вы могли себе позволить такое во Франции, в России вы вряд ли бы так сказали. Вам бы просто не позволили этого, вас побили бы.

— У меня такого опыта нет. Я говорю о том, как я вел себя во Франции. Это была не тюрьма, это была кутузка, комната временного содержания. Спал вот на таком кусочке дерева (показывает размер кусочка дерева — примерно см 40— 50. — Е. М.), прикрывшись маленьким куском одеяла, потому что при моем росте (рост Прохорова — 2 м 04 см. — Е. М.) одеяло...

— Это спецзаказ нужен.

— Спецзаказа там нет, даже два одеяла не положено. Было забавно...

Деньги для «агента»

— Руководителю Московской Хельсинкской группы Людмиле Алексеевой вы дали миллион рублей. Это на какой-то конкретный проект?

— Нет. Я сделал это не от партии, а просто лично как гражданин Прохоров. Она не хочет быть «иностранным агентом». Она меня не просила, это было мое личное желание.

— Именно Алексеевой вы хотели помочь?

— Я стараюсь помогать наиболее ярким людям. Всем помочь нельзя. Даже моих возможностей не хватит. Например, когда я работал в «Норильском никеле», проблем там очень много и, конечно, обращений о помощи было много. Что мы делали? Мы собрали группу людей с безукоризненной репутацией, там были рабочие и инженеры, и мы сказали: «Давайте договоримся, вот такие деньги компания может выделить, вы сами определяйте, кому вы считаете нужно дать по справедливости». Ровно то же самое мы делаем в нашей партии. Мы собираем сейчас фонд, где будут люди с безупречной репутацией. Все просьбы о помощи будут поступать туда, мы дадим право этим людям распределять средства, чтобы не было личной истории. Это важная гуманистическая вещь.

Наши, не наши

— **А почему вы в «Единую Россию» не вступили? Предлагали же наверняка?**

— Нет, не предлагали.

— **Удивительно.**

— Почему удивительно? Не все же бизнесмены, когда занимаются бизнесом, входят в «Единую Россию». Мне кажется, у нас бизнесмены, которые получали какие-то проблемы, как раз вступали в «Единую Россию» в надежде открываться. По крайней мере я знаю много примеров таких заходов. Но это не бизнесмены топ-уровня, а следующий уровень. Они шли туда для того, чтобы решать свои проблемы. Ну и правильно делают, зато сохранили свой бизнес.

— **Когда вы шли на президентские выборы, вы сказали, что должны быть антипутиным. Вам это удалось?**

— Не мне решать. Я считаю, что я не отошел от того, что говорил. Я точно не пойду ради расширения электорального поля на вещи популистские, которые вредны стране. Это совершенно точно. И вообще, мне кажется, в политике очень важно сначала определить, кто твои, и работать со своими, а не бежать за всеми.

— **А кто ваши сейчас?**

— Наши? Горожане, интеллигенция, люди дела. Если вы меня спросите, кто не наши...

— **«Уралвагонзавод»?**

— Неправда. Неквалифицированный рабочий не мой, а квалифицированный рабочий мой, потому что он профессионал своего дела. Он как раз тот самый средний класс, которого я буду защищать. А неквалифицированные рабочие — это КПРФ и «Единая Россия». То есть это точно не мой электорат. На селе — библиотекарь, фермер, учитель — это мой электорат, с кем мы будем общаться. У нас по сельскому хозяйству тоже есть очень внятная целостная доктрина — как его развивать, какие земли должны быть. Но она напрямую связана с земельной реформой. Если мы хотим делать земельную реформу, надо исключить чиновника из того, чтобы он решал, какая земля к чему относится. Если ты делаешь сельское хозяйство, у тебя низкий налог на землю, а если ты решил на черноземе построить себе виллу, то, пожалуйста, строй, но у тебя такой налог будет!

Очень у многих позиция такая — это критика режима. Молодцы. Это ваше право. Я никому не даю никаких советов. Я просто считаю это недостаточным, нужно предлагать, а что же сделать взамен.

Мы считаем, что любая позиция может быть объяснена очень просто и гениально. Например, вопрос: вы за повышение пенсионного возраста или против? Чисто по-человечески я против. А я задаю вопрос гражданам: «А выбор у вас есть, если все остальные в мире работают больше?» В среднем россиянин выходит на 14 лет раньше, чем американец.

— **Но они живут дольше.**

— Это правда. Каждый россиянин пусть сам решит — либо больше работать и больше зарабатывать, либо жить плохо и не работать. Это личное дело каждого, мы никого не должны заставлять. Мы должны давать стимул молодежи — хочешь так жить, пожалуйста. Полтора процента людей не хотят работать и готовы бомжевать, им так нравится. И не надо их заставлять. Когда начинается стимул, загораются глаза. Некоторые люди готовы, как я, по 15—16 часов работать. А есть люди, которые хотят приходить, свои 8 часов отработать, и чтобы это ему было комфортно. И таких большинство. И они в этом правы, не нужен подвиг. Но те, которые на подвиг идут, они просто пробивают стенки. И которые не хотят работать, они тоже обязательно нужны. Для баланса нужны.

Вы не можете сильно опережать сознание, вы можете чуть-чуть его опережать. Я приведу норильский пример. Когда я пришел в «Норильский никель» работать, я посмотрел и сказал: «Главная задача — сделать «Норильский никель» мировым лидером».

— **И все на вас смотрели огромными глазами.**

— Идиот просто! Чистый идиот! У нас тут типа профсоюзы, забастовки, какие-то разборки.

— Профсоюзы не любите?

— Почему? У меня с ними отличные отношения. Когда профсоюзы занимаются своим делом и являются реально независимыми, они очень нужны. Просто у нас профсоюзы с советских времен сильно переплелись с бизнесом... И политикой занимаются. На фоне типа защиты...

И когда мы говорили про мировое лидерство, мы расписали восемь страт в Норильске. И в каждой страте определили, что ключевое для ощущения мирового лидерства. Ремонты столовых, бытовок, удобная одежда рабочая, которую рабочие сами разрабатывали для своей профессии. Мы в итоге 18 типов одежды сделали. Чистая столовая, чистая бытовка, удобная сушилка — это мировое лидерство, лопата удобная — мировое лидерство.

— То есть на каждом уровне свое понимание.

— Да. А для моих замов — это капитализация, себестоимость производства. И это все бьется. Но должна была быть стержневая идея. Стержневую идею мы нашли — стоимость акций «Норильского никеля», потому что 10% наших акционеров были простые рабочие, норильчане. И поэтому первая строчка была — погода, а вторая строчка в Норильске — стоимость акций «Норильского никеля».

— А стержень вашей новой партии?

— Не скажу, секрет пока. Но понятно, что основой является человек.

— Вряд ли «Единая Россия» скажет, что их основой является чиновник...

— Это понятно. Все говорят про человека. Но невозможно быть за человека, за свободу, за защиту личности и поддерживать смертную казнь. Эта цепочка понятна. Если ты определенные ценности ведешь, она не может нигде прерываться. И я могу найти в рамках действий «Единой России», даже скучно их перечислять, количество людей, у которых идея не бьется с тем, что они декларируют.

Контролеры уличной пехоты

— Я, например, уважительно отношусь к Координационному совету, реально это мужественные ребята, но вопрос заключается в том, что основной лейтмотив дискуссии — кто контролирует протест, кто контролирует уличную пехоту. Там ведь появились практически профессиональные протестанты. Удальцов — мужественный парень, но он мне является идеологическим противником, потому что он против частной собственности выступает, за возврат в совок.

— Они говорят, что взгляды у них разные, но у них есть общее — борьба с путинским режимом.

— Друзей надо искать, а не врагов. Политика — это умение договариваться по разным вопросам для продвижения своих ценностей с разными политическими силами. Вполне можно по каким-то социальным вопросам договариваться с коммунистами, потому что совпадают программы по какому-то участку. Это и есть политика. Извините за такое сравнение: мне идеологически, если сравнивать Путина и Удальцова, ближе Путин, потому что он не против частной собственности.

— То есть вы считаете, что Координационный совет рано или поздно накроется?

— Нет, я хочу, чтобы он жил, и он нужен, он выполняет свою важную работу. Просто эта работа очень локальная. Нельзя собираться уважаемым людям, мужественным в личном плане, ради того, чтобы бороться за то, кто протест контролирует. Ну ради этого чего собираться? Я уважаю их, но у меня позиция — что конкретно делать: проблема — что делать? проблема — что делать?

— Какую партию вы считаете главным политическим противником?

— «Единую Россию», конечно, очевидно. Потому что себя мы считаем третьей силой, альтернативой существующей власти. Есть оппозиция, есть партия власти, мы — третья сила, потому что, в отличие от всех остальных, мы готовы брать ответственность за управление страной.

— А оппозиция не готова?

— Нет, не готова. Я никогда не поставлю мэром просто известного человека, потому что, придя к власти, он не сможет управлять городом. Кто-то умеет управлять, но он не харизматичный, не голосуют за него, а

харизматичный не умеет управлять. Это очень сложный процесс. И очень важно не понижать планку, лишь бы победить — это не работает. Поэтому здесь надо просто внутренне быть честным до конца. У тебя нет сильного кандидата, соответственно, его не надо ставить. Есть сильный кандидат — работай, бейся и не жалуйся, что тебя прижимают, что ты в неравных условиях. Здесь надо выигрывать за явным, нокаутом выигрывать. В бокс вышел, судьи куплены, — нокаутом, когда он лежит, уже ничего не сделаешь.

— Первые выборы для вашей партии будут следующей осенью?

— Мы уже семь фракций сформировали в регионах, на всякий случай. Мы поддерживаем одномандатников. Участвуем только там, где у нас есть сильные кандидаты.

— Я сейчас вспоминаю партию Рыжкова. По-моему, только в Барнауле, родном городе Рыжкова, его партия получила один депутатский мандат, и этот мандат Рыжков отдал какому-то местному бизнесмену.

— Я считаю, что он сделал критическую ошибку. Потому что он должен был как раз работать в Думе, и через два года имел шансы выиграть губернатора. Таким образом, отдав этот мандат, к сожалению, Владимир Рыжков зачеркнул свою возможность серьезного участия в выборах. Володя Рыжков — яркий человек, и если бы такой губернатор появился, для людей думающих, прогрессивных он был бы идеальный кандидат, он должен был, несмотря на все сложности, там работать, часто бывать, потому что его уже подзабыли, а сейчас он напомнил о себе как реальная фигура, федеральный политик пришел, уважает нас. Это же очень важно.

— Люди голосуют за человека с именем, а потом он свой мандат неизвестно кому отдает. Вот Яровой отдал мандат Медведев. С какой стати?

— Когда готовился к «Правому делу», я сказал: «Ребята, я имею возможность возглавить список только по Красноярскому краю, я там прописан, это логично, я там живу. Соответственно это я могу сделать. По остальным регионам я не буду этого делать, потому что это неправильно». Что мы, как Зюганов с Жириновским, не можем растить местную элиту? Что нужен дядя-толкач, который куда-то идет? Я могу приехать, поддерживать, плакаты повесить, продвигать. Вы здесь должны брать власть, а я вас поддерживаю. Черно-белая ситуация. Пусть будет пока хуже, но честно. Зато я могу всех атаковать за паровозность.

Я другой, я гулящий

— Я же не изображаю из себя глубоко верующего человека, например, чтобы играть на этой поляне. Я светский человек. Что такое внутренняя свобода? Это действовать так, как ты чувствуешь, ты будь в этом естественным. Я же не лезу с советами к семье, как правильно, как неправильно. Ну я другой, я гулящий, к примеру, я не скрываю, хожу на дискотеки, меня раз в месяц, пожалуйста, в «Сохо» можно увидеть, мы там зажигаем. Я не готов, к примеру, говорить о том, что (произносит с выражением, выпрямив спину. — Е. М.) я... Новый год... провожу... в... Сибири... Я говорю (возвращается в исходное положение, удобно расположившись в кресле. — Е. М.): «Да, я буду ездить в Куршевель, это лучший горнолыжный курорт, мне там нравится». Я хотел бы, чтобы любой россиянин мог туда поехать, и жаль, что нет такой возможности. Вот моя позиция. Я не буду в это играть, сидеть, где-то прятаться, чтобы никто не видел. Это что — жизнь, что ли? Ради этого не стоит жить. Я хочу быть естественным, реально естественным человеком, жить в кайф. Если у меня что-то не получается, не буду врать, не получается. Но у всех, что ли, все получается?!

Автор: Елена Масюк © Новая газета ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 6197 24.12.2012, 01:13 📌 435

URL: <https://babr24.com/?ADE=110867> Bytes: 40729 / 39851 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Елена Масюк**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

